

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1830.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА,

Многіе, такжे какъ и я, посѣщали сей
Фонтанъ; но иныхъ уже нѣшъ; дру-
гіе спранспивуюшъ далече.

Сади,

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМ. НАРОДН. ПРОСВѢЩЕНИЯ.

1830.

Съ дозволенія Правительства.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАНЪ.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Яншарь въ усахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вокругъ хана грознаго шѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ чипали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнуль рукой нетерпѣливой:
И всѣ, склонившись, идуши вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ ;
 Свободнѣй грудь его вздыхаетъ ,
 Живѣе строгое чело
 Волненье сердца выражаетъ .
 Такъ бурны тучи отражаютъ
 Залива зыбкое стекло .

Что движентъ гордою душою ?
 Какою мыслью занятъ онъ ?
 На Русь ли вновь идеть войною ,
 Несетъ ли Польшѣ свой законъ ,
 Горитъ ли месцію кровавой ,
 Открыль ли въ войскѣ заговоръ ,
 Страшился ли народовъ горъ ,
 Иль козней Генуи лукавой ?

Нѣть , онъ скучаетъ бранной славой ,
 Усталы грозная рука ;
 Война опѣ мыслей далека .

Ужель въ его гаремъ измѣна
 Стезей преступною вошла ,
 И дочь неволи , нѣгъ и плѣна
 Гляуру сердце отдала ?

Нѣшь , жены робкія Гирея ,
 Ни думать , ни желать не смѣя ,
 Цвѣшупъ въ унылой тишинѣ ;
 Подъ спражей бдительной и хладной
 На лонѣ скуки безотрадной
 Измѣни не вѣдаютъ онѣ .
 Въ тѣни хранишельной темницы
 Упавы ихъ красомы :
 Такъ аравійскіе цвѣши
 Живутъ за спеклами теплицы .
 Для нихъ унылой чередой
 Дни , мѣсяцы , лѣта проходяты
 И непримѣшно за собой
 И младость и любовь уводятъ .
 Однообразенъ каждый день ,

**

И медленно часовъ теченье.
Въ гаремъ жизнью править лѣнь;
Мелькаешь рѣдко наслажденье.
Младыя жены, какъ нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными спроями
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляюшь легкими роями.
Межъ ними ходишь злой эвнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слукъ
За всеми слѣдуешь всесчасно.
Его спарапнемъ заведёнъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Свяштую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.

Его душа любви не просить;
 Какъ испуганъ, онъ переносить
 Насмѣшки, ненависть, укоръ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣніе, просьбы, робкій взоръ,
 И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
 Ему извѣстенъ женскій нравъ;
 Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ:
 Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
 Невласпны надъ его душой;
 Онъ имъ уже не вѣришъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
 Какъ идущъ плѣнницы младыя
 Купаться въ жаркіе часы,
 И льються волны ключевые
 На ихъ волшебныя красы,
 Забавъ ихъ спорожъ неоплучный,
 Онъ тупъ; онъ видитъ, равнодушный,

Прелестницъ обнаженный рой;
Онь по гарему въ шмѣ ночной
Неслышными шагами бродишь:
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадеши дверямъ,
Опъ ложа къ ложу переходишь;
Въ забопѣ вѣчной, ханскихъ жёнь
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваешь лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаешь онъ:
И горе той, чей шопотъ сонной
Чужое имя призывалъ,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣряль!

Чпожъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его попухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждешь эвнухъ.

Вспаешь задумчивый власпитель :
Предъ нимъ дверь наспежъ. Молча, онъ
Идешь въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ жёнъ.

Безпечно ожидая хана ,
Вокругъ игриваго фоншана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣлской радосью глядѣли ,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ пѣмъ
Шербетъ носили ароматной
И пѣсню звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

« Даруешь небо человѣку
 Замѣну слезъ ичастыхъ бѣдъ :
 Блаженъ факиръ , узрѣвшій Меку
 На спасости печальныхъ лѣпъ .

2.

« Блаженъ , кіо славный брегъ Дуная
 Свою смершью освяшишъ :
 Къ нему навстрѣчу дѣва рая
 Съ улыбкой спраснной полетишъ .

3.

« Но топть блаженнѣй , о Зарема ,
 Кто , миръ и нѣгу возлюбя ,
 Какъ розу , въ шишинѣ гарема
 Ледѣешъ , милая , тебѣ . »

Онъ поюпъ. Но гдѣ Зарема,
 Звѣзда любви , краса гарема?
 Увы , печальна и блѣдна ,
 Похвалъ не слушаетъ она ;
 Какъ пальма , смятая грозою ,
 Поникла юной головою ;
 Ничто , ничто не мило ей :
 Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою ,
 Грузинка , равенъ красотою ?
 Вокругъ лилейного чела
 Ты косу дважды обвила ;
 Твои плѣнительные очи
 Яснѣе дня , чернѣе ночи .
 Чей голосъ выразишь сильней
 Порывы пламенныхъ желаній ?
 Чей спраспный поцалуй живѣй
 Твоихъ язвительныхъ лобзаній ?
 Какъ сердце , полное тобой ,

Забьется для красы чужой?
 Но, равнодушный и жестокой,
 Гирей презреть твои красы
 И ночи хладные часы
 Проводить мрачный, одинокой
 Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
 Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Уэрѣла небеса чужія;
 Недавно милою красой
 Она цвѣла въ странѣ родной;
 Сѣдой отецъ гордился ею
 И звалъ отрадою своею.
 Для старика была законъ
 Ея младенческая воля.
 Одну заботу вѣдалъ онъ,
 Чтобъ дочери любимой долѣ
 Была, какъ вешній день, ясна,
 Чтобъ и минутныя печали

Ея души не помрачали,
 Чтобъ даже замужемъ она
 Вспоминала съ умиленьемъ
 Дѣвичье время, дни забавъ,
 Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
 Все въ ней пленяло: тихій нравъ,
 Движенія стройныя, живыя
 И очи томно-голубыя.
 Природы милые дары
 Она искушивомъ украшала;
 Она домашніе пиры
 Волшебной арфой оживляла;
 Толпы вельможъ и богачей
 Руки Маріиной искали,
 И много юношей по ней
 Въ спраданьи тайномъ изнывали.
 Но въ шишинѣ души своей
 Она любви еще не знала
 И независимый досугъ

Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы Ташаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ сполы ужасной быстротою
По жаривѣ стелется пожаръ.
Обезображеній войною,
Цвѣущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтица...
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почиуптъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣни.
Скупой наследникъ въ замкѣ правитъ

И тягостнымъ ярмомъ безславиша
Опустошенную страну.

Увы ! Дворецъ Бахчисарай
Скрываешь юную княжну :
Въ неволѣ тихой увядая ,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей нещаспную щадишь :
Ея унынье , слезы , споны
Тревожашъ хана крашкій сонъ ,
И для нея смягчаешь онъ
Гарема спротивъ законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ жёнъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входишь ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводишь ;
Не смеешь устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей ;
Она въ купальнѣ пошленной
Одна съ невольницей своей ;

Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
 Печальный возмущашь покой;
 Гарема въ дальнемъ отдѣленъѣ
 Позволено ей жить одной:
 И, мнишся, въ томъ уединеньѣ
 Сокрылся нѣкто неземной.
 Тамъ день и ночь гориша лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвяштой;
 Души тоскующей оправда,
 Тамъ упованье въ шишинъѣ
 Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
 И сердцу все напоминаешь
 О близкой лучшей споронѣ...
 Тамъ дѣва слезы проливаешь
 Вдали зависпливыхъ подругъ;
 И между пѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ упопаешь,
 Святыню строгую скрываешь
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жертва заблужденій,

Среди порочныхъ улоеній,
Хранишъ одинъ свяпый залогъ,
Одно божественное чувство...

Настала ночь; покрылись шѣнью
Тавриды сладоспной поля;
Вдали подъ шихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна возходишъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсь
Сіянье томное наводишъ.
Покрыты бѣлой пеленою,
Какъ шѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Проспыхъ Ташаръ спѣшаши супруги
Дѣлишь вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснуль Гаремъ,

Объятый нѣгой безмятежной ;
 Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Стражъ надежной ,
 Дозоромъ обошель эвнухъ .
 Теперь онъ спишь ; но страхъ прилѣжной
 Тревожитъ въ немъ и сияющій духъ .
 Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даешь уму .
 То чей-то шорохъ , то шептанье ,
 То крики чудящихся ему ;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ ,
 Онъ пробуждается , дрожитъ ,
 Напуганнымъ приникнувъ ухомъ . . .
 Но все кругомъ него молчитъ ;
 Одни фоншаны сладкозвучны
 Изъ мраморной шемницы бьють ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракѣ соловьи поють ;
 Эвнухъ еще имъ долго внемлеть ,
 И снова сонъ его объемлеть .

Какъ милы шемныя красы
 Ночей роскошнаго воспока !
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожапелей Пророка !
 Какая нѣга въ ихъ домахъ ,
 Въ очаровательныхъ садахъ ,
 Въ пиши гаремовъ безопасныхъ ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и тишины
 И вдохновеній сладострастныхъ !

Всѣ жены спяще. Не спитъ одна.
 Едва дыша , вспаешь она ;
 Идетъ ; рукою торопливой
 Открыла дверь ; во шмѣ ночной
 Ступаешь легкою ногой ...
 Въ дремотѣ чушкой и пугливой
 Предъ ней лежишь эвнухъ сѣдой.
 Ахъ , сердце въ немъ исумолимо :

Обманчивъ сна его покой!...

Какъ духъ, она проходиша мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка...
 Вонла, взираешъ съ изумлеиньемъ...
 И шайный спрахъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивотъ, печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы кропкій ликъ
 И Крестъ, любви символъ священный...
 Грузинка, все въ душѣ твоей
 Родное что-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невнятно вдругъ заговорило.
 Предъ ней покоилась княжна,
 И жаромъ дѣвшеннаго сна
 Ея ланины оживлялись
 И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,

Улыбкой томной озарялись:
 Такъ озаряешь лунный свѣтъ
 Дождемъ опьягощенный цвѣтъ;
 Спорхнувшій съ неба, синь эдема,
 Казалось, ангель почиваль
 И сонный слезы проливаль
 О бѣдной плѣнницѣ гарема...
 Увы, Зарема, что съ тобой!
 Спѣснилась грудь ея тоской,
 Невольно клоняется колѣни,
 И молить: « сжалася надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій! »...
 Ея слова, движенье, спонь
 Прервали дѣвы тихій сонъ.
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зришъ;
 Въ смятеньѣ, трепетной рукою
 Ее подъемля, говоришъ:
 « Кто ты?... Одна, порой ночною,
 Зачѣмъ ты здѣсь? » — Я шла къ тебѣ:
 **

Спаси меня; въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась...
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день отъ дня...
 И пѣнь блаженства миновалась;
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко... но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донынѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Попоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю; помню только море
 И человѣка въ вѣшинѣ
 Надъ парусами...

Страхъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной тишинѣ
 Въ пѣни гарема развѣтала
 И первыхъ опытовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья шайныя моя
 Сбылись. Гирей для мирной нѣги
 Войну кровавую презрѣлъ,
 Пресѣкъ ужасные набѣги
 И свой гаремъ опять узрѣлъ.
 Предъ хана въ смутномъ ожиданїѣ
 Предсали мы. Онъ свѣплый взоръ
 Остановилъ на мнѣ въ молчанїѣ,
 Позвалъ меня.... и съ этихъ поръ
 Мы въ безпрерывномъ упоенїѣ
 Дышали счастьемъ; и не разъ
 Ни клевета, ни подозрѣніе,
 Ни злобной ревности мученіе,
 Ни скуча не смущала насъ.

Марія, ты предъ нимъ явиласъ...
 Увы, съ тѣхъ поръ его душа
 Преступной думой омрачиласъ!
 Гирей, измѣною дыша,
 Моихъ не слушаетъ укоровъ;
 Ему докученъ сердца стонъ;
 Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
 Со мною не находишь онъ.
 Ты преступленью не причасна;
 Я знаю, не твоя вина...
 И шакъ послушай: я прекрасна;
 Во всемъ гаремъ ты одна
 Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
 Но я для спраски рождена,
 Но ты любишь, какъ я, не можешь;
 Зачѣмъ же хладной красою
 Ты сердце слабое превожишь?
 Оспавъ Гирея мнѣ: онъ мой;
 На мнѣ горячиъ его лобзанья,
 Онъ клятвы спрашныя мнѣ далъ,

Давно всѣ думы , всѣ желанья
 Гирей съ моими сочеталъ ;
 Меня убьетъ его измѣна...
 Я плачу ; видиши , я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой ,
 Молю , винишь и тебя не смѣя ,
 Отдай мнѣ радость и покой ,
 Отдай мнѣ прежняго Гирея...
 Не возражай мнѣ ничего ;
 Онъ мой ; онъ ослѣпленъ тобою .
 Презрѣньемъ , просьбою , тоскою ,
 Чѣмъ хочешь , оправдай его ;
 Клянись... (хоть я для Алкорана ,
 Между невольницами хана ,
 Забыла вѣру прежнихъ дней ;
 Но вѣра матери моей
 Была твоя) клянись мнѣ ею
 Зарему возвратишь Гирею...
 Но слушай : если я должна

Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена. »

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣешь слѣдовашь княжна.

 Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ спрастей:
Но голосъ ихъ ей смущно виященъ;
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.

 Какія слезы и моленія
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Уже ли ей
Ошатокъ горькихъ юныхъ дней
Провести наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей
Въ ся тщемницѣ отдаленной
Забыть несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ;
Съ какою бѣ радостью Марія

Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновеня жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
 Ужь ей пора, Марію ждупть,
 И въ небеса на лоно мира
 Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почила.
 Она давно-желанный свѣтъ,
 Какъ новый ангель, озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоскаль неволи безнадежной,
 Болѣнь, или другое зло,
 Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!...
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
 Его Гирей оляшь оставилъ;
 Съ толпой Ташаръ въ чужой предѣлъ

Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный:
 Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безотрадный.
 Онъ часпо въ сѣяхъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ оспаеся вдругъ,
 Глядитъ съ безумiemъ вокругъ,
 Блѣдишь, будто полный страха,
 И что-то шепчетъ, и порой
 Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнию,
 Гаремъ не зришь его лица;
 Тамъ, обреченные мученью,
 Подъ стражей хладнаго скопца
 Старѣющъ жены. Между ними
 Давно Грузинки нѣть; она
 Гарема стражами нѣмыми

Въ пучину водъ опущена.
 Въ шу ночь , какъ умерла княжна ,
 Свершилось и ея страданье .
 Какая бъ ни была вина ,
 Ужасно было наказанье !

Опустошивъ огнемъ войны
 Кавказу близкія страны
 И села мирныя Россіи ,
 Въ Тавриду возврашился ханъ
 И , въ память горестной Маріи ,
 Воздигнуль мраморный фоншанъ
 Въ углу дворца уединенный .
 Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
 Магомешанская луна
 (Символъ конечно дерзновенный ,
 Незнанья жалкая вина).
 Есть надпись : Ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она .
 За чуждыми ея чертами

Журчить во мраморѣ вода
И каплеть хладными слезами ,
Не умолкая никогда.

Такъ плачепть мать во дни печали
О сынѣ , падшемъ на войнѣ .
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали ,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ ,
Пиры надолго забывая ,
Я посѣтилъ Бахчисарай
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ , гдѣ , бичъ народовъ ,
Татаринъ буйный пироваль
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни упопалъ.
Еще понынѣ дышеть нѣга

Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
 Играють воды, рдѣютъ розы,
 И вьющіяся виноградны лозы,
 И злато блещетъ на стѣнахъ.
 Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Яштарны разбирая чешки,
 Вздыхали жены въ пишинѣ.
 Я видѣлъ ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.
 Сіи надгробные сполбы,
 Вѣничаны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
 Гласили внятию мольбою.
 Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
 Кругомъ все пихо, все уныло,
 Все измѣнилось... но не пѣмъ
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фонпановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенью,

Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу лепучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревносною дыша,
Средь опускѣлаго Гарема?

Я помню споль же милый взглядъ
И красоту еще земную...

Поклонникъ музъ , поклонникъ мира,
 Забывъ и славу и любовь ,
 О , скоро васъ увижу вновь ,
 Брега веселые Салгира !
 Приду на склонъ приморскихъ горъ ,
 Воспоминаній тайныхъ полный ,
 И вновь Таврическія волны
 Обрадуюпъ мой жадный взоръ .
 Волшебный край , очей отрада !
 Все живо шамъ : холмы , лѣса ,
 Янтарь и яхонть винограда ,
 Долинъ пріютиная краса ,
 И спрой и тополей прохлада ;
 Все чувство пушника манитъ ,
 Когда , въ часъ упра безмятежной ,
 Въ горахъ , дорогою прибрежной ,
 Привычный конь его бѣжитъ ,
 И зеленѣющая влага
 Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
 Вокругъ утесовъ Аю-дага...

О ТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Желал познакомить читателей, не бывавших въ Тавридѣ, со сценою повѣстований поэта нашего, предлагаемъ имъ здѣсь 1) выписку изъ любопытнаго и занимательнаго путешествія по Тавридѣ, изданнаго И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, 2) отрывокъ изъ письма самаго автора къ Д***.

I.

« Вчера ввечеру , подъехавъ къ Бахчисараю и спуспившись въ ущелину , въ которой онъ лежитъ , я засвѣтилъ успѣль только проѣхать длинную улицу , ведущую къ Хан-сараю (т. е. къ ханскому дворцу) , на восточномъ концѣ города находящемуся . Солнца давно уже не видно было за горами , и сумракъ начинай сгущаться , когда я вспутилъ на первый дворъ сарая . Этого не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической Алалибры ; и чѣмъ менѣе видимы становились предметы , тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего , наполнившагося радужными цвѣтами восточной поэзіи .

И поведу тебя , мой другъ , не изъ покоеvъ , но , такъ какъ должно , опять вѣнчнихъ воропъ , въ которыя проѣздъ съ улицы , по мосту , чрезъ узкую грязную рѣтку Сурукъ-су . Прошелъ

въ ворота, ты на первомъ дворѣ, на пространномъ паралелограмѣ, коего пропивоположный входу, малый бокъ граничишъ съ садовыми террасами; оба же большіе заняты на лѣвой споронѣ мечетью и службами, а съ правой дворцемъ, состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой споронѣ, чрезъ ворота, подъ спроенiemъ находящілся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ топчасъ на лѣвой рукѣ предспавляюся тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оппоманской луны.

Переступивъ за порогъ, ты въ пространныхъ сѣняхъ на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо, ведущее на верхнія палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтиана, безпрепланно лющіе воду изъ спѣни, и бѣлыя мраморныя чаши, одинъ насупротивъ дверей, другой топчасъ налѣво.

Дабы не оспавить ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣшимъ широкій

коридоръ отъ лѣваго угла противоположися входу спѣни, ведущей прямо въ домовую ханскую божницу, надъ дверью коей начертано: **Селамидъ-Гирей ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ Гирея хана ***.

Другая дверь того же коридора нальво даепъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ во-кругъ спѣнъ до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются отъ жара окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведеетъ въ ханскій диванъ, т. е. въ комнату, гдѣ собирался государственный совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, снаружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на спѣнахъ. Какъ фасадъ спроенія не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣтилъ, что главныя залы освѣщены съ

* Селамидъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.

★ ★

трехъ сторонъ, и. е. въ изъ фасада выступающія оныхъ стѣны всплощь окончаныя. Другого входа въ залу нѣть, кромѣ одной двери боковой, непримѣтной, между пиластрами Аравскаго вкуса, между коими и шкафы, такжे не примѣтные, находятся по всей шемной эпой стѣнѣ. Надъ оными спекла (въ лучшихъ залахъ) снути и снаружи покоя, до пополка, между коими сполить украшенія лѣпной работы, какъ то: чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревца, съ чучелами разныхъ птицъ. Пополки такъ же, какъ и шемная стѣна, споллярной работы и весьма красивы: эпошоненъкая вызолоченая рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, гусиаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомые мнѣ по Испаніи *эстеры*, и. е. рогожки весьма искусно сплетенные изъ тростника, родъ *гениста* и употребляемыя вмѣстѣ съ ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркоспии лучей въ комнатѣ, съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней служатъ еще и цвѣтныя, узорчатыя спекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ

сомніїя занепое Европейцами отъ вос точныхъ народовъ, во время крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты пред ставиши себѣ диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ пканей на полу лежащія во кругъ всѣхъ спѣнъ, изключая племной, ты будешъ имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европей скомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и сполами. Сія послѣдняя упварь особливо драгоценна для насъ крещеныхъ, ибо во всѣхъ спранахъ, гдѣ проповѣдуется Корантъ, право вѣрные вмѣсто споловъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыхъ спавші подносы и Ѣдягъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги на полу.

Ты легко догадаешься можешьъ, чѣмъ въ споронѣ отъ сего спроенія находился гаремъ, не приступный для всѣхъ, кромѣ хана, и для одного имѣющій сообщеніе чрезъ коридоръ съ дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разные домики, въ коихъ нѣкогда жерливы любви, или лучшее сказать, любострасія, то-

милися въ неволѣ , предспавляють теперъ пе-
чальную карпину разрушенія : обвалившіеся
потолки , изломанные полы . Время сокрушило
узилище ; но чи то въ томъ пользы , когда то-
же время , рокомъ узницамъ опредѣленное , про-
текло для нихъ безотрадно въ рабскихъ уг-
жденіяхъ одноличъ , не по сердцу избранному
другу , но жестокому власщелину ! На краю
сего гарема стояла на большомъ дворѣ высо-
кая шестигольная бесѣдка , съ рѣшетками вмѣ-
сто оконъ , изъ которой , какъ сказываютъ ,
ханскія жены , невидимыя , смопрѣли на игры ,
вѣзды пословъ и другія позорища . Иные гово-
рятъ , будто шупутъ ханъ любовался фазанами
и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ . Это
послѣднее постому только вѣролѣпо , что пѣ-
шухъ съ семействомъ своимъ есть единствен-
ная карпина , которую супругъ-мусульманъ мо-
жетъ представлять невольницамъ своимъ въ
оправданіе многоженства . Между сею полусогнив-
шею бесѣдкою и комнатою , о которой я го-
ворилъ на нижнемъ помостѣ , съ мраморнымъ
фонпаномъ , есть прекрасный цвѣтничекъ , гдѣ

миръ и розы могли вѣкогда внушать пѣсни Татарскому Анакреону.

Но пора оставилъ сіи грудь тѣснящіе памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ воздухѣ. Вопль насупротивъ большихъ воропъ, на концѣ двора, къ горѣ призывающагося, терасы въ четыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники, съ уступа на другой ліющіеся въ каменные басейны. Можетъ быть, нѣкогда мурзы-царедворцы, уподобляя Гиреевъ владыкамъ Вавилона, сравнивали и терасы ихъ съ висящими садами Семирамиды: но теперь Крымское чудо сіе представляеть видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоценнѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы уже засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, вѣ двора, кладбище хановъ и султановъ владѣшельного дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоялся подъ бѣлыми, мраморными гробницами, осѣненными высокими шаполями, ореховыми и шелковичными деревьями. Тутъ ле-

жатъ Менгли и отецъ его , основатель могу-щеспива царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде , нежели оставимъ сюю юдоль сна непробуднаго , я укажу тебѣ отсюда на холмъ , влѣво отъ верхней садовой террасы , на коемъ стоятъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ : это мавзолей прекрасной Грузинки , жены хана Керимъ-Гирея. Новая Заира , силою прелестей своихъ , она повелѣвала тому , кому все здѣсь повиновалось ; но не долго : увѣль райскій цвѣть въ самое уп про жизни своей , и безопадный Керимъ соорудилъ любезной памятникъ сей , дабы ежедневно входить въ онъи и упышаться слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы , но нѣть уже болѣе входа къ нему ; дверь наглухо заложена. Спранно очень , что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хоплятъ , чтобы эта красавица была не Грузинка , а Полячка , именно какая-то Попоцкая , будто бы похищена на Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними , сколько ни увѣралъ ихъ , что преданіе сие не имѣетъ никакого исторического основанія и что

во впорой половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои оспались бесполезными: они споили въ одномъ: красавица была Попоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятное и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Попоцкихъ. »

II.

Изъ Азіи перѣехали мы въ Европу * на корабль. Я топчась отправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день поперялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильно подѣйствовали на мое воображеніе. Я ви-

* Изъ Тамани въ Керчь.

дѣлъ слѣды улицъ, полузаражшій ровъ, спалые кирпичи и только. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфаѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды бліспали; передо мною въ пуманѣ шилюлись полуденные горы..... « Вонъ Чепырдагъ, » сказалъ мнѣ Капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я карпину плѣнипельную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣплennыми къ горамъ, пополи, какъ зеленыхъ колонны, спройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ..... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣплое море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жиль я сиделъ, купался въ морѣ и обѣдался виноградомъ; я пропочасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и беспечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ

молодой кипарисъ ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ , похожимъ на дружество. Всъ все , чѣдо пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я обѣхалъ полуденный берегъ , и пущесѣвіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній , но спрашный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣспницѣ взобрались мы пѣшкомъ , держа за хвости ташарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно , и казалось какимъ-то шансіевеннымъ , воспомнимъ обрядомъ. Мы перебѣгали горы , и первый предметъ , поразившій меня , была береза , сѣверная береза ! Сердце мое сжалось : я началъ ужъ посковывать о миломъ полуднѣ , хотя все еще находился въ Тавридѣ , все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крупная лѣспница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно міѳологическія преданія счастливѣ для меня воспоминаній историческихъ , по

крайней мѣрѣ шутъ посыпали меня риены.
Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чѣму холодныя сомнѣнья ?

Я вѣрю : здѣсь былъ грозный храмъ ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья ;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эвмениды ;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На братца руку занесла ;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество ,
И душа великихъ божества
Своимъ созданьемъ возгордились .

* * * * *

Ч— , помнишь ли былое ?

Давно лѣтъ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ ?
Но въ сердцѣ , бурями смиренномъ ,
Теперь и лѣни и пишина ,
И цѣ умиленіѣ вдохновенному ,
На камнѣ , дружбой освященному ,
Пишу я наши имена .

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятнику влюбленаго хана. К ** поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубы по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ копоромъ онъ исплевается, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Н. Н. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханскоѣ кладбище:

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:
лихорадка меня мучила.

Что касається до памятника ханской любовницы, о копоромъ говорилъ М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а по бы непремѣнно имъ воспользовался.

Разполкуй мнѣ теперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелестъ неизъяснимую? Отъ чего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣсто, оставленное мною

съ шакимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе
самая сильная способность души нашей, и
имъ очаровано все, чѣмъ подвластно ему?

